

Звонил Чжоу Пэй. Он извиняющимся тоном сообщил Ян Имину, что по плану работы послезавтра должен был отправиться в Детский приют района Цинхуа для планового осмотра, а следом за этим предстоял еще трехдневный период наблюдения, но он, как на грех, совершенно об этом забыл.

— Учитель Чжоу, ну нельзя же быть таким рассеянным, как можно было это забыть? — Ян Имин потер глаза и взглянул на экран телефона: одиннадцать утра.

— Эх, ну так лето же, каникулы. Поехали с женой и ребенком развлекаться, вот от радости всё из головы и вылетело.

Ян Имин с улыбкой ответил парой дежурных фраз и положил трубку. Подменять коллег ему приходилось часто. Всего в их группе десять человек, семеро из них обременены семьями, а двое — совсем молодые выпускники, у которых сейчас самый разгар романтических отношений. В редкие каникулы все только и мечтают, что уехать в отпуск, так кому охота в августовскую жару прерывать отдых ради поездки в приют? Ян Имин прекрасно понимал коллег и сам был не прочь подменить кого-нибудь: в конце концов, надбавка за работу в праздничные дни — деньги вполне реальные, да и услуга эта, по сути, формальная.

Центр психологической помощи подросткам, где работал Ян Имин, формально подчинялся комитету образования района Цинхуа, но фактически был открыт для всех желающих. Поэтому, помимо психологической поддержки учащихся школ и обучения школьных психологов, в сферу их работы входили и подопечные приюта, и частные обращения граждан. Ян Имин окончил педагогический университет по специальности психология, а после магистратуры сразу устроился в комитет образования. В то время многие завидовали его работе, да и сам он был весьма доволен: стабильность, неплохая зарплата и три месяца оплачиваемого отпуска — что еще нужно для счастья? Однако, проработав два года, он понял, что у каждой профессии есть свои трудности, о которых посторонние даже не догадываются. В системе образования оказалось ох как непросто. Про бесконечную рутину и нервотрепку даже говорить не стоит, один лишь уровень дохода заставлял Ян Имина чувствовать, что он едва сводит концы с концами.

В мегаполисе на зарплату в шесть тысяч юаней прожить было крайне сложно. В итоге Ян Имин засел за учебу, получил степень магистра, прошел необходимые курсы и в двадцать шесть лет сдал экзамен на психолога второго уровня, а в двадцать восемь официально начал частную практику. С тех пор прошло почти два года. Сейчас у него четыре постоянных клиента в неделю, что приносит еще четыре-пять тысяч в месяц. На эти деньги он снимал трехкомнатную квартиру у Третьего транспортного кольца, которая служила ему и домом, и кабинетом. Дела шли неважно, иногда приходилось доплачивать из зарплаты, чтобы покрыть расходы. Главной мечтой Ян Имина было стать первоклассным психологом, брать три тысячи юаней за сеанс, проводить всего одну консультацию в неделю, а остальное время тратить на пересчет денег и дегустацию деликатесов.

Ради этой грандиозной цели он был готов работать в летние каникулы сверхурочно.

Прикинув сумму надбавки, Ян Имин поехал в приют. Тот находился в старом районе, где уже

несколько лет шла реконструкция, и повсюду виднелись руины. Ян Имин, сверяясь с навигатором и постоянно созваниваясь с кем-то, наконец добрался до места.

Двор оказался старым: в передней части парковались машины, задняя была отведена под детские игры, а главным зданием служила трехэтажная постройка. Серые кирпичные стены густо поросли девичьим виноградом, из-за чего издалека здание казалось зеленым, что добавляло ему прохлады и старинного очарования.

Ян Имин с огромным трудом втиснул машину на стоянку, заваленную старыми столами и стульями. Сторож, пожилой дедушка, показывал ему, куда проехать, и виновато пояснил, что сотрудников в приюте мало, машин почти ни у кого нет, вот парковка и превратилась в складхлама.

Поблагодарив старика, Ян Имин пошел по вымощенной камнем дорожке, сквозь щели которой пробивалась трава. На стенах в холле висели фотографии визитов начальства, самая свежая из которых, как заметил Ян Имин, была совместным снимком предыдущего мэра с детьми из приюта. В коридорах красовались детские рисунки — яркие и по-наивному трогательные.

Директор Ван, женщина предпенсионного возраста, проработала здесь почти всю жизнь, пройдя путь от воспитательницы до руководителя. Она не совершила ничего выдающегося, но и не допустила серьезных ошибок, и теперь единственным ее желанием было спокойно дотянуть до пенсии и наслаждаться заслуженным отдыхом. Чжоу Пэй вкратце ввел Ян Имина в курс дела: проблем с психикой у детей много, но ничего критического — в основном одиночество, зависть, недостаток чувства безопасности, а чаще всего — комплекс неполноценности. С последним всё сложно: у одних он ведет к робости и подозрительности, у других — к излишней гордыне, чувствительности и вспыльчивости. Чжоу Пэй посоветовал Ян Имину при отчете директору докладывать только об успехах: пожилая женщина уже не в том возрасте, чтобы переживать из-за проблем, лучше поберечь ее сердце и давление.

Ян Имину это было только на руку. Он уже распланировал всё: поздороваться с директором, поболтать с детьми, перекинуться парой слов с воспитателями — и управиться за три часа.

Войдя в кабинет, он увидел седую старушку, которая выглядела гораздо старше своих лет. Тяжела, видимо, работа директора приюта. Не желая утомлять ее, Ян Имин сразу перешел к делу. Визиты психологов из комитета образования были делом привычным, поэтому директор Ван быстро распорядилась собрать детей в центре досуга и подготовить кабинет. Ян Имин с улыбкой поблагодарил ее, как вдруг в дверь постучали.

Какой аромат!

Ян Имин принялся и сразу почувствовал густой сладкий запах — свежееиспеченные круассаны с кленовым сиропом. Он тут же вспомнил, что не завтракал, и проголодался так, что мог бы съесть целую кондитерскую.

Вошедший человек, увидев Ян Имина, замер, молча поставил небольшой поднос на тумбочку у

входа, извиняюще кивнул и вышел. Мысли Ян Имина были заняты только угощением, во рту уже собралась слюна. Он изо всех сил старался не смотреть на тумбочку, сохраняя невозмутимый вид.

К счастью, директор оказалась гостеприимной. Она подошла, взяла поднос и протянула его Ян Имину:

— Приехали с самого утра, завтракали? Попробуйте нашу выпечку.

Соблюдая приличия, Ян Имин для вида отказался, директор для вида настояла, и после пары обменов любезностями он с удовольствием отправил круассан в рот.

Свежеиспеченный, с хрустящей корочкой, мягкий внутри, ароматный и нежный — Ян Имин подумал, что мастер в столовой приюта просто гений! Он с блаженством предвкушал, что с послезавтрашнего дня, когда начнется трехдневный период наблюдения, он будет приходить сюда пораньше, чтобы завтракать этой выпечкой.

Дин Цыму вернулся в свой домик уже к вечеру. У ворот он внезапно остановился и принялся: запах тушеного мяса! Он радостно распахнул дверь и вбежал внутрь.

— Вернулся? — услышал он мягкий голос.

— Брат Чжэн, ты когда приехал? — с удивлением спросил Дин Цыму.

— Вчера вечером. — Дин Цыму увидел высокого мужчину, который вытирал руки, выходя из кухни. Человек этот был самой обычной наружности, но взгляд его, полный теплоты и легкой усмешки, всегда дарил Дин Цыму ощущение уюта и дома.

— Только вчера? И зачем было сразу бежать ко мне, чтобы вкалывать? — с улыбкой спросил Дин Цыму.

— Боялся, что ты с голоду умрешь, — рассмеялся тот, и его голос прозвучал низко и тепло. — Муму, у тебя в холодильнике шаром покати, как ты вообще живешь?

— Кто сказал, что пусто? — недовольно проворчал Дин Цыму. — Я вчера целую кучу всего купил.

— Сам посмотри. А говядину для сегодняшнего ужина я покупал, — в его голосе сквозило снисходительное обожание.

— Не может быть. — Дин Цзыму обошел его и заглянул в холодильник: там стояли пакеты молока, лежали фрукты, яйца и коробка десерта.

— Я же помню, что покупал продукты, — почесал он затылок, озадаченно бормоча себе под нос.

— Ой, брось, — хмыкнул Брат Чжэн. — Я тебя десять лет знаю, ни разу не видел, чтобы у тебя с памятью было всё в порядке.

— Это потому, что я не готовлю, — Дин Цзыму со смехом закрыл дверцу. — Я один, лень возиться, проще поесть в любой закусочной у дома, да и мыть посуду не надо.

Он хитро сверкнул глазами, подошел к Брату Чжэну и заискивающе улыбнулся:

— К тому же, если мне захочется чего-нибудь вкусненького, есть ведь ты!

— Паршивец, однажды я тебя отлуплю!

Дин Цзыму пропустил эту угрозу мимо ушей и, потянувшись, спросил:

— Когда будем есть? Я проголодался.

— Хоть сейчас.

Дин Цзыму с радостью накрыл на стол, и они сели ужинать. После еды, пока Дин Цзыму мыл посуду, Брат Чжэн вдруг сказал:

— Муму, я через пару дней уезжаю в Хуадун.

— Снова командировка? — Дин Цзыму перестал мыть тарелку, помрачнев. — Ты же только вернулся.

— Ничего не поделаешь, работа такая, — вздохнул Брат Чжэн.

— Надолго?

— Недели на две. — Брат Чжэн мягко улыбнулся. — Береги себя.

Дин Цзыму промолчал, выражая недовольство. Брат Чжэн горько усмехнулся и добавил, словно сам себе:

— На самом деле, я за тебя волнуюсь.

Дин Цзыму сделал вид, что не расслышал. Его мрачное лицо выдавало обиду, которая не прошла даже тогда, когда Брат Чжэн собрался уходить. Лишь когда тот пообещал приготовить тушеную рыбу по возвращении, на лице парня промелькнула слабая улыбка.

— Ну ты даешь, — со вздохом сказал Брат Чжэн. — Так любишь поесть, почему бы самому не научиться готовить?

— Не хочу! — отрезал Дин Цзыму. — Это слишком хлопотно, мне лень. Я один живу, мне много не надо, зачем мне это?

— А жену заводить не будешь? Умение готовить — отличный способ завоевать девушку, понимаешь?

Дин Цзыму замотал головой с решительностью лопастей вентилятора.

Брат Чжэн лишь вздохнул и ушел.

Закрыв ворота, Дин Цзыму завалился на кровать и стал переключать каналы. Как только он включил спортивный канал, в голове возникла резкая, острая боль — будто кто-то сверлил череп дрелью, разбрызгивая мозги в разные стороны.

Он бросил пульт и, обхватив голову руками, свернулся калачиком. Мигрени мучили его с детства, он привык к этому, поэтому, не открывая глаз, нащупал в ящике тумбочки таблетку и проглотил ее. Сквозь нестерпимый гул в ушах он стиснул зубы, ожидая, пока приступ отступит.

Постепенно он погрузился в темноту.

Ян Имин вышел из дома ни свет ни заря и прибыл в приют на час раньше. План был прост: сходить в столовую на завтрак, съесть минимум пять булочек, запить их молоком или, если его не будет, купить апельсиновый сок в магазине.

С мыслями о выпечке Ян Имин подошел к окошку раздачи, но, увидев меню — соевое молоко, каша из маша, жареное тесто, лепешки, яйца — испытал такое разочарование, что это было заметно невооруженным глазом.

— Мастер, — заглянул он в окошко, — а булочек сегодня нет?

— Булочек? — удивился повар. — Мы обычно их не делаем, иногда печем кексы.

— Но вчера же были! — не унимался Ян Имин.

— Вчера на завтрак были суп с клецками и яичные блины.

— А? — Ян Имин, держа поднос, глупо хлопал глазами, глядя на лоснящееся лицо повара.

— Будешь братъ или нет? — повар помахал большим половником, заподозрив, что этот парень пришел устраивать скандал.

— Буду. — Ян Имин уныло пожевал жареное тесто. Еда в приюте была ничуть не лучше, чем в столовой центра, и он с неохотой осознал, что даже на каникулах чувствует себя как на работе. Покончив с завтраком, он, видя, что времени еще много, отправился бродить по коридорам, разглядывая рисунки на стенах.

Ян Имин любил рассматривать картины. Не из-за высокого искусства, а из профессионального интереса: рисунки, особенно каракули, отлично отражают внутренний мир человека. Поэтому психологи часто просят пациентов рисовать, чтобы проанализировать их состояние.

Гуляя по коридору, он внезапно остановился перед одним рисунком. В центре листа был изображен схематичный ребенок, а у его ног переплетались две кривые тени, тянущиеся до самого края бумаги. Кроме того, на рисунке было множество беспорядочных линий — похоже, кто-то нарисовал множество фигурок, наложив их друг на друга. Самым странным был фон: хаотичное нагромождение синих, белых, желтых и черных пятен. Автор с огромным терпением закрасил весь лист формата В4, не оставив ни единого белого пятнышка.

Но это было не самое примечательное. Главное — техника. Рисунок был выполнен масляной пастелью, причем с таким нажимом, что плотная бумага, казалось, вот-вот порвется.

Несмотря на хаос линий и тяжелые цвета, издалека картина обладала странной притягательностью. Она была прямо в сердце.

Ян Имин отошел, посмотрел слева, справа, а затем подошел вплотную, пытаясь разглядеть подпись. В правом нижнем углу, сквозь наслоения желтого и черного, он увидел имя: Сюй Линь.

Он удивился: он был уверен, что автор не станет подписываться. Имя Сюй Линь выходило за рамки его ожиданий. Прищурившись, он нашел дату — восемь лет назад. Ян Имин с сожалением цокнул языком: ему очень хотелось бы встретиться с этим Сюй Линем.

Сфотографировав рисунок, он продолжил путь, но через полкоридора внезапно остановился.

Летнее солнце пробивалось сквозь окно, ослепляя его. Прищурившись, он подумал немного, развернулся и решительно зашагал обратно к картине. Вглядываясь в каждый дюйм, между

хаотичными линиями и цветовыми пятнами, недалеко от подписи, он заметил еле заметные карандашные штрихи: «Восемь лет».

Восемь лет? Ян Имин едва заметно улыбнулся. Глядя на дату создания, он решил попытать удачу.

Закончив все дела, он подошел к директору и прямо спросил, помнит ли она ребенка по имени Сюй Линь, жившего здесь восемь лет назад. Та задумалась, покачала головой:

— Не припомню... Давай проверю архив.

Она открыла базу данных и через минуту уверенно заявила: такого ребенка в приюте не было.

Вот оно что! Ян Имин был даже доволен: он так и знал, что Сюй Линь — псевдоним.

— А кто мог нарисовать это? — он показал телефон с фотографией.

Директор долго вглядывалась в экран, но снова покачала головой.

Хотя Ян Имин ожидал такого результата, он все равно был разочарован.

— Давай я спрошу в отделе пропаганды, они всегда отвечали за оформление стен, — сказала директор. Она позвонила, вскоре пришел сотрудник, но и он после долгих раздумий не смог ничего вспомнить. — Извините, рисунок слишком старый, уже никто не помнит.

— Учитель Ян, а зачем вам это? — с любопытством спросила директор.

— Картина интересная, отражает некоторые психологические феномены, хотелось бы пообщаться с автором. Но ничего страшного, если не получится найти.

— Вы говорите, ей восемь лет? — директор снова пригляделась. — Тогда точно найдем. На вид рисовал ребенок лет восьми-девяти. Дети обычно живут у нас до восемнадцати, значит, автору сейчас шестнадцать-семнадцать, он должен быть здесь. Я попрошу учителей опросить классы.

Ян Имин, вспомнив надпись на рисунке, лишь усмехнулся. Он понимал, что найти этого ребенка почти невозможно.

— Но зачем ребенку брать вымышленное имя? Может, хотел псевдоним, как артист? — недоумевала директор.

Ян Имин ответил:

— Директор, это просто любопытство. Не стоит беспокоиться, рисунку восемь лет, автор, скорее всего, и сам не помнит. В такую жару не стоит гонять учителей и детей.

Директор, следуя принципу «меньше проблем — крепче сон», с готовностью согласилась.

В пятницу, после окончания консультаций, было уже за пять. Проводив последнего ребенка, Ян Имин потянулся. Кабинет выходил окнами на запад, и солнце нещадно палило в открытые руки, вызывая жжение. Кондиционер, выставленный на 24 градуса, не справлялся с жарой.

Как добираться домой? У Ян Имина разболелась голова.

Сегодня его машину ограничили в движении, а приют и дом находились на разных концах города. На автобусе с тремя пересадками в час пик ушло бы часа два. А ехать на такси... слишком дорого! Ян Имин даже не рассматривал такой вариант. Он решил подождать, пока спадет жара и закончится час пик, а пока решил еще раз обойти этажи и просмотреть личные дела в архиве.

<http://bllate.org/book/19775/1948311>